

Э.А. Шеварднадзе: «Наверное, следовало бы вспомнить тот день в середине июня 1985 года, когда в моем тбилисском кабинете раздался телефонный звонок, и я услышал в трубке голос Горбачева.

– У меня есть весьма серьезные намерения в отношении тебя. Два предложения, конкретизировать которые я пока не готов. Но оба связаны с твоим переездом на работу в Москву.

Отреагировал я несколько настороженно, сказал, что моей нынешней работе в Грузии нужна поддержка, и я надеюсь ее получить. Ничего другого мне не нужно.

– Не торопись с решением, – сказал Горбачев. – Это будет очень важное предложение.

30 июня (*по воспоминаниям М.С. Горбачева – 29 июня*) он позвонил мне снова.

– Хочу продолжить наш разговор. Мы окончательно определились и предлагаем тебе пост министра иностранных дел. Завтра утром ждем в Москве.

Сказать, что я был удивлен, – ничего не сказать. Не раз говоря разным людям, что это была самая большая неожиданность в моей жизни, я, наверное, не выражал этими словами и тысячной доли охвативших меня в те мгновения чувств. Попробуйте описать чувства человека, с головой ушедшего в дела малой своей родины и вдруг, в один миг, выхваченного из них таким вот рывком.

...Незнание иностранных языков – только родной, грузинский, и русский, с невытравленным акцентом. Отсутствие опыта, специальных знаний... Да полно, не ослышался ли я?

Нет, не ослышался.

– Все, что угодно мог ожидать, только не это. А Громыко?

– Громыко поддерживает твою кандидатуру. Приедешь – поговорим.

Вылетел в Москву ранним утром следующего дня. Беседа с Горбачевым длилась минут сорок. Большину часть этого времени я посвятил доводам

против моего назначения. Министр иностранных дел – это не должность, а профессия, говорил я. Дипломатия – сложный профессиональный мир, в который трудно войти своим, признанным человеком. В моем случае – и того труднее. Отнюдь не второстепенный вопрос – национальность. Исторически этот пост всегда занимал либо русский, либо питомец российской культуры, российских корней. Мое назначение будет неоднозначно воспринято в России и других республиках. Неизбежно возникнут непростые вопросы и за рубежом...

– Вопрос этот решен, – сказал Горбачев. – Он согласован с секретарями Центрального Комитета. И, как я уже сказал, твою кандидатуру поддерживает Громыко. Что же до национальности, то да, ты – грузин, но ведь советский же человек! Нет опыта? А может, это и хорошо, что нет? Нашей внешней политике нужны свежесть взгляда, смелость, динамизм, новаторские подходы... У меня нет сомнений в правильности выбора.

Сразу же после беседы было созвано заседание Политбюро. Горбачев проинформировал коллег, изложив уже знакомые мне доводы. Предоставил слово Громыко. Андрей Андреевич говорил о том, какой, по его мнению, должна быть внешняя политика страны на этапе перестройки, и какой он представляет себе работу нового министра иностранных дел. Он был добр в своих высказываниях обо мне и щедр в заверениях поддержки дипломатического ведомства...».